

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ИГРЫ В СЛОВА

А.Д. Васильев

Явление языковой игры принадлежит к числу тех, наличие которых, кажется, никем не оспаривается, однако понимаются зачастую по-разному – и получают различные толкования и определения (начиная с варьирования уже самого термина). Это справедливо объясняют сложностью обозначаемого феномена [Сковородников 2003, с. 796–797].

Возможно несколько обогатить представление об игре словами с учетом ее разноаспектности и многофункциональности, а также очевидной соотнесенности с некоторыми другими формами и способами использования ресурсов языка.

Следует прежде всего иметь в виду, что «всякая игра что-то значит <...> “Ради чего” – в этих словах, собственно, самым сжатым образом заключается сущность игры» [Хёйзинга 1997, с. 21, 63]. Также весьма немаловажно, что языковая игра далеко не всегда (а возможно, и по большей части) может быть направлена на достижение именно комического эффекта. Согласно одной из многочисленных дефиниций, языковая игра – «сознательное манипулирование языком, построенное на необычности использования языковых средств» [Санников 1999, с. 37]. Впрочем, трактовать «необычность использования языковых средств» можно довольно широко; да и манипулирование оказывается – по крайней мере, во многих случаях, – вполне сознательным, иначе его надо было бы называть как-то иначе.

Известны различные определения манипуляции. Ср. следующие лексикографические дефиниции: *манипуляция* – 1) ‘движение рук, связанное с выполнением определенной задачи, напр. при управлении каким-л. устройством’; 2) ‘демонстрирование фокусов, основанное преимущественно на ловкости рук, умение отвлечь внимание зрителей от того, что должно быть от них скрыто’ (разрядка здесь и далее наша. – А.В.) 3)* ‘махинация, мошенническая проделка’ [СИС 1979, с. 300]. Вероятно, на основе двух последних значений (второе из которых является к тому же метафорическим, что, наверное, облегчило его переход в иные сферы использования) развилось несколько иное – как специального термина социальных наук: «*манипуляция* – (социологич. и социально-психологич.) ‘система способов идеологич. и духовно-психологич. воздействия с помощью средств массовой коммуникации на массы с целью их подчинения бурж. ценностям и образу жизни, насаждения потребит. психологии,

антикоммунистич. идеологии' [СЭС 1983, с. 755]. Этот термин, очевидно, призван был служить отрицательно-оценочным обозначением явления, присущего враждебным социальным процессам и тем СМИ, которые их обеспечивают. Ср.: «...в условиях буржуазного общества главной функцией массовой коммуникации является социальная манипуляция общественным сознанием, адаптация населения к стандартам и канонам буржуазного образа жизни...» [Ножин 1974, с. 8].

Впоследствии появились и более нейтральные определения: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Доценко 1996, с. 60].

Отметив, что слово *манипуляция* имеет отрицательную окраску («им мы обозначаем то воздействие, которым недовольны, которое побудило нас сделать такие поступки, что мы остались в проигрыше, а то и в дураках»), С.Г. Кара-Мурза описывает его этимологию и семантические эволюции, приведшие к такому результату: современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка...»; изданный в 1969 г. в Нью-Йорке «Современный словарь социологии» определяет манипуляцию как «вид применения власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других, не раскрывая характера поведения, которое он от них ожидает» [Кара-Мурза 2002, с. 15]. Одним из важных этапов в развитии метафорического употребления слова было, по мнению психологов, искусство артистов, фокусников-манипуляторов, которые способны добиваться эффекта своего выступления, используя психологические стереотипы зрителей, отвлекая, перемещая и концентрируя таким образом иллюзии восприятия. К главным, родовым признакам манипуляции относят следующие: 1) это вид духовного, психологического воздействия, мишенью которого являются психологические структуры личности; 2) это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции; 3) это воздействие требует от манипулятора значительного мастерства и знаний; 4) это отношение к людям, сознанием которых манипулируют, не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам [Кара-Мурза 2002, с. 16–17].

Манипуляции – неизбежный модус поведения и необходимый атрибут и инструмент любой власти так же, как и средства массовой информации, без которых осуществление манипулятивных операций заведомо невозможно (в лучшем случае малоэффективно).

«Политические лидеры, средства массовой информации, воздействуя на общество и конкретную личность, используют разнообразные приемы, в том числе и речевое давление, языковое манипулирование» [Семенюк 2001, с. 279]. Понятие «языковое (речевое) манипулирование» представляется, конечно, более узким, нежели «манипулирование вообще». Приведем некоторые определения.

Языковое манипулирование – «вид языкового воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. В основе языкового манипулирования лежат такие психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков» [Быкова 1999, с. 99]. – «Под языковым манипулированием нами понимается манипулирование, осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования тех или иных особенностей устройства и употребления языка. Таким образом, языковое манипулирование надо рассматривать как особую разновидность речевого воздействия» [Остроушко 2002, с. 90]. – «Под языковым манипулированием мы понимаем скрытое воздействие на реципиента (группу индивидов), совершаемое в интересах воздействующей стороны, с целью достижения определенного эффекта. Путем манипуляции в сознание внедряются идеи, образы, ассоциации, стереотипы, которые могут полностью, причем незаметно для человека, изменить его отношение к миру» [Любимова 2005, с. 1].

Хотя иногда и говорят, исходя из сосюрговской дихотомии *язык / речь*, что было бы точнее «квалифицировать данное явление как *речевую* манипуляцию, так как в данном случае речь идет об *использовании* языковых средств и подчеркивается прагматический характер явления» [Бугорская 2004, с. 5], однако именно на факте существования языка как знаковой системы базируется возможность его использования.

Проблемы манипулятивных технологий, методов речевого воздействия на индивидуальное и общественное сознание рассматриваются специалистами в разных аспектах, среди которых, на наш взгляд, глав-

ным является анализ особенностей употребления лексико-фразеологических элементов в соответствующих дискурсах средств массовой информации.

Обычно учитывается, что «главная проблема идеологического творчества – это проблема интерпретации (истории, национальной культуры, религии и философии). Главная задача – обеспечение мобилизации с целью манипуляции. Проблемы интерпретации, мобилизации и манипуляции – это прежде всего проблемы языка» [Ветров 2000, с. 201].

Приведем некоторые примеры. Хорошо известно, что в лексиконе, пожалуй, каждого народа совершенно особое место принадлежит его самоназванию. Оно, выступая в качестве первого компонента оппозиции «свой»/«чужой», является одним из главных составляющих национального менталитета. Целенаправленные манипуляции автоэтнонимом способны существенно трансформировать картину мира в сознании носителей языка. Примеров этому достаточно и в истории России, включая новейший период; таковы коннотативные эволюции этнонима государствообразующей нации: *русские*, по крайней мере с начала XX века и по настоящий момент, оказывают мишенью пропагандистских упражнений внешне, казалось бы, самых разных и даже взаимно противоположных политических сил и идеологических доктрин. Контекстуальное окружение этого этнонима в текстах российских СМИ постоянно и безапелляционно рисует русских и всё русское в самых негативных тонах (ср. сугубо отрицательные коннотации, индуцируемые в слове *русский* за счет назойливого повторения сочетаний вроде «русская мафия» – кстати, используемого преимущественно тогда, когда речь идет вовсе не о русских, но о бывших гражданах СССР или России, – и «русский фашизм», которого попросту не существует). Имеет место явно нарочитое неразличение *русского* и *российского*; последнее всё чаще заменяет собой и *советское*, ставшее почти пейоративным и – в ряде коммуникативных ситуаций – обретающее статус табуированного. Наиболее вероятными причинами таких манипуляций следует считать влияние иностранных языков (например, английского, где *Russian*, по сути, синкретично: это и «русский», и «российский»); воздействие чужой и чуждой для множества граждан РФ культуры (в частности, в Израиле именуют «русскими» выходцев из СССР, а также России и ряда других ныне суверенных государств); возможно, реализуются и рекомендации новейших политтехнологов, различного рода специалистов по проведению национальной (то есть по отношению к нациям, этносам) политики (подробнее см.: [Васильев 2003,

с. 180–211]). Стараясь «растворить *русское* в *российском*» и преуспевая в этом [Трубачёв 2005, с. 11], подчеркнуто не предпринимают подобных попыток применительно к другим этническим группам России.

Подобные манипуляции академик О.Н. Трубачёв называл «играми в слова, замешенными на дурной политике»: «невесёлые размышления приходят, когда видишь не одну только порчу языкового вкуса, но и дезориентацию национального самосознания – когда уже сам русский себя готов назвать россиянином. Ведь россиянин – это житель России, в принципе, любой национальности» [Трубачёв 2004, с. 72].

По некоторым данным, «в 1994 году на сахаровских чтениях Е. Боннэр учила президента Ельцина никогда не пользоваться этническим именем русский, а заменить его прозвищем россиянин» [Миронова 1997, с. 6]. (Ср. иронический комментарий современного писателя: «О русской идее напоминало только блатное обращение “россияне”, всегда казавшееся Татарскому чем-то вроде термина “арестанты”, которыми воры в законе открывают свои письменные послания на зону, так называемые “малявы” [Пелевин 1999, с. 180]).

Налицо очередная попытка элиминировать этноним *русские*; правда, идеологическое обоснование теперь иное, хотя и столь же мифическое, как прежде, – набившие оскомину «общечеловеческие ценности». Это далеко не ново, ср.: «...как же мы теперь самоуверенны <...> как свысока решаем вопросы, да еще какие вопросы-то: почвы нет, народа нет, национальность – это только система податей, душа – *tabula rasa*, вощичек, из которого можно сейчас же вылепить настоящего человека, о б щ е ч е л о в е к а всемирного, гомункула – стоит только приложить плоды европейской цивилизации да прочесть две-три книжки» [Достоевский 1956, с. 79]. Можно заметить, что сегодня здесь очевидно влияние сконструированной и культивируемой в США, а оттуда распространяемой по всему миру *political correctness*; это, конечно, закономерно в свете сегодняшних реалий глобализации. Успехи такого подхода к регулированию межнациональных отношений в России довольно ощутимы. Многоликая модернизированная смердяковщина, постоянная на бывшем «интернационализме» и обычно обозначающая себя как «цивилизованность», чрезвычайно активна. Отказ в признании русских нацией замечен, хотя и косвенно, в лингвистических исследованиях, посвященных «национально-русскому двуязычию», где изучаются владение и пользование языком одного из народов РФ – и русским, то есть, подразумевается, **не** национальным. И удаление из российского паспорта указания национальности его владельца, поданное как шаг в сторону призрачного «мирового сообщества» (и почти уже реального

«нового мирового порядка») по-своему тоже вполне логично. В русле этой же тенденции («игр в слова») следует рассматривать и отсутствие в тексте закона «О государственном языке Российской Федерации» определения самого понятия «русский язык» и каких-либо упоминаний о русском народе. Перефразируя афоризм, приписываемый обычно одному советскому деятелю, «нет номинации – нет проблемы».

Надо сказать, что и само слово *народ* в период реформ также оказалось мишенью одной из разновидностей словесной игры, причем весьма значимой в пропагандистском отношении. Точнее говоря, символичным стало его почти абсолютное исчезновение из дискурса СМИ, включающих в себя приоритетные тексты политического официоза и мировоззренчески ориентирующих на последние. Можно считать, что в семиотическом аспекте существительное *народ* обрело таким образом статус, весьма близкий к статусу так называемого «нулевого знака». Это «отсутствие объекта в контексте, неотторжимой характеристикой которого он стал на протяжении определенного этапа его функционирования, в рамках которого он воспринимался в качестве его обязательного компонента <...>. Семантика нулевого знака может не уступать по своей роли и информативной насыщенности семантике материально выраженного знака в традиционном понимании этого слова» [Шунейко 2005, с. 87]. Однако, как известно, свято место пусто не бывает: очевидно, что во многих коммуникативных ситуациях какая-либо номинация объекта попросту необходима (ср. эвфемизм в привычном его понимании); речедеталь же в таких случаях, желая еще подчеркнуть и свое неприятие некоей системы ценностей, и приверженность иным аксиологическим координатам, вынужден воспользоваться для обозначения реалии более или менее подходящим синонимом. Возможно, что при этом в речевой оборот вводится нечто вроде псевдоэвфемизма – по крайней мере, с точки зрения тех носителей языка, в чьем сознании имеются прочные представления об иных коннотациях соответствующих лексических единиц (ведь и отсутствие коннотации – тоже, хотя бы для некоторых коммуникантов, некое подобие коннотации; по аналогии с «нулевым знаком» – «нулевая коннотация», также оценочно и эмоционально значимая).

Для слова *народ* таким «заместителем»-псевдоэвфемизмом оказалось слово *население*. Ранее эту современную тенденцию точно квалифицировал А.П. Сковородников: «Главным здесь является возникновение в общественно-речевой практике ментальной оппозиции слов (понятий) *народ* (в смысле “нация”) и *население* (в смысле “безнацио-

нальная масса”), в которой первый член (*народ*) обладает положительной коннотацией (эмоционально-оценочным значением), а второй член (*население*) – отрицательной. Это новые смысловые отношения существительных *народ* и *население* носят антонимический характер в отличие от традиционных, близких к синонимическим» [Сковородников 1997]. Сегодня же мы имеем дело, скорее, уже с результатами указанного процесса, которые, вероятно, могут быть дополнительно объяснены с привлечением сведений историко-лексикологического характера.

Изначально, в древнерусскую эпоху, «общий смысл слова *народъ* и заключался в указании на некую однородную множественность, уже не обязательно общего происхождения, но всегда определенно объединенную какой-либо общей силой, признаками, свойственными только ей <...>. Представление это непосредственно вытекало из древнейшего образа «*народа*», и образ этот, несмотря на позднейшее развитие слова, устоял в веках, мало-помалу отливаясь в понятие «*народ*» [Колесов 1986, с. 138]. Историческая лексикография фиксирует разветвление семантики слова *народъ*: 1) ‘род, племя, потомки’ (1499 г.); 2) ‘множество, толпа, сонм’ (с 1057 г.); 3) мн. и собир. ‘люди, народ’ (с 1057 г.); 4) ‘группа лиц, объединенных общими интересами, политическими и религиозными воззрениями’ (XIII–XIV вв. ~ XI в.); 5) мн. ‘толпа, чернь’ (1499 г.); 6) ‘население (страны, города); народная масса’ (XI в.); 7) ‘люди, принадлежащие к одной этнической общности; народность, народ’ (XVII в.) [СлРЯ XI–XVII вв., с. 215].

С течением времени вследствие многих социальных, этнических, политических процессов продолжается обогащение семантики слова; возможно, осуществляется трансформация первичного, «стартового» синкретизма в полисемию. (См., например: *народъ* – ‘люд, народившийся в известном пространстве; люди вообще; язык, племя; жители страны, говорящие одним языком; обыватели государства, страны, состоящей под одним управленьем; чернь, простолюдые, низшие, податные сословия; множество людей, толпа’ [Даль 1955, с. 474]).

Пожалуй, есть некоторые основания, с учетом этой дефиниции, предположить и некое подобие омонимизации: многозначность слова *народ* ощущалась в XIX веке чуть ли не как диффузность его семантики. Это отразилось, в частности, в таких суждениях Н.К. Михайловского и А.И. Богдановича: «Под словом *народ* мы сплошь и рядом разумею то этнографическую группу, то государственно-национальную, то исключительно “мужика”, то “чернь”, “простонародье”, то представите-

лей труда <...>, то толпу...» – «В течение тридцати последних лет <...> создалась даже особая “народническая” литература, до сих пор не выяснившая, что же собственно понимать надлежит под ее таинственным “народом” <...> Слово, не сходящее со страниц книг, статей, брошюр, политических воззваний, каждый раз вбирало в себя то содержание, которое определил для него пишущий» [Лексика 1981, с. 234].

Результаты этих процессов, вероятно, получивших дополнительные специфические импульсы в ходе революционных катаклизмов и последовавших социально-политических преобразований, нашли воплощение в советской лексикографии; ср.: *народ* – 1) ‘население, объединенное принадлежностью к одному государству; жители страны’; 2) ‘то же, что нация, национальность’; 3) ‘в эксплуататорском государстве – основная масса населения (преимущественно крестьяне) в противоположность правящему классу’ [Словарь Ушакова 1936, с. 207].

См. примеры типичной сочетаемости слова *народ* советского времени: *народ* – 1) ‘население государства; нация, национальность’: «великий, могучий, героический, непобедимый, трудолюбивый, талантливый, русский, советский, американский, наш, свой, весь <...>; народ-герой, народ-победитель, народ-созидатель, народ-творец <...>. Для народа (жить, работать, трудиться). За [какой-либо] народ умереть, отдать жизнь <...> перед народом отвечать за что-либо. [Какой-либо] народ поднялся на что-либо (на борьбу, на защиту чего-либо)...» и т.п. [Словарь сочетаемости 1983, с. 303].

Можно считать, что в советский период истории русского языка у существительного *народ* сложилась весьма высокая эмоционально-оценочная тональность, естественно поддерживавшаяся и укреплявшаяся официально-пропагандистскими усилиями.

История существительного *население*, по известным нам источникам, является гораздо менее «яркой», нежели у слова *народъ*. Для древнерусской эпохи отмечают лишь одно значение слова *население* – ‘заселение’ (XI в.) [СлРЯ XI–XVII вв. 1983, с. 241], манифестирующее относительную обжитость какой-либо территории, вне связи с гомогенностью по родовому (этническому), культурному, языковому и т.п. признакам. Собственно, и в гораздо более позднее время эта семантическая основа сохранилась без сколько-нибудь радикальных трансформаций. Согласно Словарю Ушакова, *население* – 1) ‘жители, люди, проживающие в каком-либо месте’; 2) ‘совокупность людей, живущих на определенной территории; народонаселение’; в МАС₂ *население* толкуется как 1) ‘действие по значению глагола *населить* – *населять* и состояние

по значению глагола *населиться* – *населяться*’ – и 2) ‘совокупность жителей (области, страны и т.п.); народонаселение’.

Таким образом, оказывается, что, в отличие от существительного *народ*, существительное *население* вряд ли способно вызывать столь же прямые ассоциации с представлениями о некоем этнокультурном единстве, связанном общими традиционными ментальными (и лингвоментальными) ценностями и т.п. *Население* – это, скорее, термин статистики и сопряженной с ней демографии (ср. *на душу населения*, *численность населения*, *перепись населения* и проч.); в самом деле, довольно трудно предположить наличие где-либо и когда-либо **героического населения*, **историю населения* и т.п. несообразностей; тем более, наверное, было бы немыслимым в системе прежних идеологических координат **советское население* – существовал *советский народ* (а ранее – и *русский народ*).

Между тем, именно слово *население* сегодня весьма активно используется в публичной речи, в том числе – и в выступлениях официальных высокопоставленных лиц, транслируемых телевидением, причем это слово, судя по частотности употребления, оказывается явно предпочтительным по сравнению со словом *народ*.

Вероятно, определенную роль в утрате словом *народ* еще недавнего несомненно пафосного ореола сыграло тиражирование через СМИ производного *народный*, подаваемого, например, в составе таких сочетаний: «русская *народная* передача “Городок”»; «русская *народная* программа “Плэйбой”»; «*народная* марка года (о жевательной резинке)»; «самое *народное* пиво»; «*народный* автобусный маршрут (бесплатный – для пенсионеров)»; «*народный* премьер (Черномырдин)»; «*народный* автомобиль (его цена – 21,5 тысячи долларов)»; «конкурс “Лучший *народный* стриптиз года”»; «Борис Моисеев в *народной* драме “Чужой”»; «новогодняя быдлюшная [песня], почти *народная*» и т.п.

Можно с достаточными основаниями предполагать, что в столь активной замене народа населением (да еще обитающим не в государстве или стране, а на неких «пространствах» – ср.: «экономическое пространство», «культурное пространство», «образовательное пространство» и т.д.; в общем, *im Raum*) проявляется воздействие такого мощного фактора, как глобализация и связанная с нею нивелировка пока еще во многом различных этносов. Видимо, когда народ перестает считать себя *народом* и приобретает самооценку, низведенную до *населения* (что можно рассматривать и как переход от сакрального к профанному, и как утрату сакрального, и как сакрализацию профанного), стирается один из слоев, защищающих не только естественную культурную идентич-

ность и экономическую автономию, но и стремление к поддержанию государственного суверенитета. Вполне логичным продолжением рассмотренной тенденции следует считать в текстах СМИ единичные пока, но весьма симптоматичные обозначения этноса (например, белорусов) как *популяций* (может быть, не без влияния англ. *a population*).

Рассмотренные в рамках данной статьи примеры достаточно наглядно иллюстрируют целенаправленность и манипулятивный характер игры слов в некоторых ее модификациях, а также очевидную значимость подобных вербальных операций, имеющих для конкретного социума весьма долговременные и ощутимые последствия. Надо помнить всё же, что «слово нельзя отдать одному говорящему. У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя...» [Бахтин 1986, с. 317].

Литература

- Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
- Бугорская Н.В. Языковая и речевая манипуляция: к вопросу о разграничении понятий // Языковое бытие и сознание этноса. – М. – Барнаул, 2004. – Вып. 8.
- Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск – Ачинск, 1999. – Вып. 1 (8).
- Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. – М., 2003.
- Ветров С.А. Идеология и ее язык // Язык. Человек. Картина мира. – Омск, 2000. – Ч. 1.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т. 2.
- Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10-ти томах. – М., 1956. – Т. 4.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции. – М., 1996.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2002.
- Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.
- Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. – М., 1981.
- Любимова А.А. Рождественские чтения 2005 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Prokimen.ru>.
- Миронова Т. Всеоружие // Советская Россия. – № 112. – 25.09.97.
- Ножин Е.А. Проблема определения массовой коммуникации // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М., 1974.
- Остроушко Н.А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема (к понятию языкового манипулирования) // Мир русского слова. – 2002. – № 5.
- Пелевин В.О. Generation П. – М., 1999.
- Санников В.В. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.
- Семенюк О.А. Язык эпохи и его отражение в сатирико-юмористическом тексте. – Кировоград, 2001.
- Сковородников А.П. Народ и население: очерк современного публицистического словоупотребления // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск – Ачинск, 1997. – Вып. 2.

- Сковородников А.П. Языковая игра // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М., 2003.
- Словарь иностранных слов. – М., 1979.
- Словарь сочетаемости слов русского языка. – М., 1983.
- Советский энциклопедический словарь. – М., 1983.
- Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1936. – Т. II.
- Трубачёв О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М., 2005.
- Трубачёв О.Н. Заветное слово. Взгляд лексикографа на проблемы языкового союза славян. – М., 2004.
- Хёйзинга Й. Homo ludens; Статьи по истории культуры. – М., 1997.
- Шунейко А.А. Лакуна и нулевой знак (семиотический аспект) // Лакуны в языке и речи. – Благовещенск, 2005. – Вып. 2.

К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ЯЗЫКА НАУКИ

**(на материале терминологии
английской системы образования)**

Ю.А. Комарова

В лингвометодических исследованиях язык науки традиционно относят к категории языков для специальных целей [Language for Specific Purposes]. Данная категория языков понимается как особая система языковых средств, объединенных тематически, иерархически структурированных и соответствующих узкоспециальной сфере человеческой деятельности. Таким образом, социальная дифференциация языка связана со спецификой его использования различными профессиональными группами людей.

Язык науки осуществляет вербализацию профессионального научного знания. Следовательно, он обладает соответствующими лексико-семантическими и грамматическими средствами, способными адекватно передавать существо всех основных категорий и понятий науки и других областей данной профессиональной деятельности [Граудина, Ширяев 2002, с. 178].

Общепризнанным является тот факт, что одной из основных черт языка науки является наличие в нем терминов, выражающих понятия специальной области научного знания или деятельности. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что научная речь в большинстве своих жанровых разновидностей характеризуется консервативностью в отборе языковых средств выражения. Это обстоятельство отмечается многими исследователями научного стиля речи.